

Домашний космос любителей¹

ДЕНИС
СИВКОВ

ВВЕДЕНИЕ: МИРОВОЙ ГАРАЖ

Занимаясь этнографией любительских проектов изучения и освоения космоса, я, естественно, знакомился с тем, что уже было написано по теме. Мне попались несколько текстов самих любителей, где они в основном рассказывали истории своих инициатив. Один очерк за авторством Кейта Бейкера и Дика Янссона назывался «Космические спутники из мирового гаража: краткая история AMSAT»². В нем была представлена история первых любительских спутников «OSCAR» и история AMSAT – международного объединения радиолюбителей. Первый спутник был запущен в СССР в 1957 году, а первый любительский спутник «OSCAR-1» уже в 1961-м в США. Его изготовила группа энтузиастов из Редондо-Бич, Калифорния. Они собрали спутник из подручных материалов и запустили его с американской военной базы Ванденберг. «OSCAR-1» весил 10 килограммов и был слегка изогнут – его необычная форма, вес и размер определялись требованиями нагрузки. Дело в том, что военные согласились взять любительский спутник в качестве балласта. Для того, чтобы уравновесить на ракете полезную нагрузку – разведывательный спутник «Discoverer 36», – использовался балласт, частью которого стал полукруглый «OSCAR-1». Любители следили за спутником с помощью радиоаппаратуры (трекинг), и любой из них мог принять сигнал спутника или отправить через него короткое сообщение другому радиолюбителю.

Меня заинтриговало выражение «мировой гараж» (*world garage*) в названии. В тексте эта метафора никак не раскрывалась и не обыгрывалась. Авторы только сообщали типичную для любительских проектов информацию, что «OSCAR-1» «был построен в буквальном смысле в подвалах и гаражах команды проекта»³. То есть гараж и подвал наряду с кухней и задним двором – это части дома, определяющие пространство того, что я предлагаю называть «домашним космосом» любителей. Космосом одновременно и в древнегреческом, и в современном

Денис Юрьевич Сивков (р. 1977) – антрополог, доцент Института общественных наук РАНХиГС, автор телеграм-канала по антропологии космоса «Земляки и земляне».

- 1 Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы Центра социологических исследований ФСФ ИОН РАНХиГС № 10.8-2023-1 «Роль любительских сообществ в развитии технологий: от практик использования к построению техноутопий».
- 2 BAKER K., JANSSON D. *Space Satellites from the World's Garage – the Story of AMSAT // Proceedings of National Aerospace and Electronics Conference (NAECON'94)*. Vol. 2. Dayton, 1994. P. 1174–1181.
- 3 Ibid. P. 1175.

смысле этого слова. Места, составляющие часть домашнего *порядка* в жилищах любителей или их друзей, оказываются аналогами космодромов, лабораторий и цехов, отправляющих любительские аппараты в *безвоздушное пространство*.

В то же время выражение «мировой гараж» намекает и на планетарный масштаб. Более того, Бейкер и Янссон сообщали о важности международной кооперации любителей в сообществе AMSAT:

«Команды добровольцев из одной или нескольких стран помогали создавать, запускать и/или контролировать спутники друг друга. Обычно одна или несколько национальных групп определяют базовый космический аппарат и требования к его интерфейсу. Затем формируются команды, и различные международные пулы несут ответственность за различные системы и подсистемы космического корабля. Это дает инженерам-проектировщикам AMSAT значительную гибкость для создания и производства инновационных конструкций подсистем»⁴.

Мне стало интересно, какое видение мира и какое представление о *планетарности* заложены в любительских техноутопиях. Говоря о техноутопии, я имею в виду такое переплетение технического воображения и материальных практик, которое рассчитано на то, чтобы изменить общество. Любители считают, что их простые и дешевые технологии открывают более демократичный путь в космос – путь, альтернативный государственному и коммерческому проектам⁵.

Места, составляющие часть домашнего *порядка* в жилищах любителей, оказываются аналогами космодромов, лабораторий и цехов, отправляющих любительские аппараты в *безвоздушное пространство*.

Освоение космоса, позволяющее посмотреть на Землю извне, стимулировало осознание планетарного единства человечества⁶. Но как представить себе гараж – «важнейшую архитектурную форму XX столетия» – *мировым*?⁷ Должна ли речь идти

4 Ibid. P. 1177.

5 Сивков Д. Ю. *Доступ в космос: российские любительские технологии в изучении и освоении космоса* // Социология науки и техники. 2020. № 3. С. 179–197.

6 COSGROVE D. *Contested Global Visions: One-World, Whole-Earth, and the Apollo Space Photographs* // Annals of the Association of American Geographers. 1994. Vol. 84. № 2. P. 270–294; POOLE R. *Earthrise: How Man First Saw the Earth*. New Haven; London: Yale University Press, 2008; LAZIER B. *Earthrise, or Globalization of World Picture* // The American Historical Review. 2011. № 3. P. 602–630.

7 ЭРЛАНГЕР О., ГОВЕЛА Л. О. *Гараж*. М.: Strelka Press, 2020. С. 12.

о том, что планета – это один большой гараж или ангар, наподобие глобального парника в утопическом проекте терраформирования Земли, предложенном Константином Циолковским?⁸ В этой статье я хотел бы попробовать расшифровать образ мирового гаража или дома и проанализировать парадоксальную планетарную «домашность» любительских техноутопий. Но для начала необходимо выяснить, какую роль играет образ дома в изучении и освоении космоса в целом.

ДЕНИС СИВКОВ
ДОМАШНИЙ КОСМОС
ЛЮБИТЕЛЕЙ

Дом в космосе

Какими бы банальными ни казались слова о «траве у дома» из одноименной песни советской группы «Земляне», тема дома и домашнего действительно чрезвычайно важна и в изучении, и в освоении космоса. Прежде всего дом – это то, что осталось на Земле и куда хочется вернуться, но возвращение это может быть трудным и опасным. Земной дом питает, дает силы, приходит во снах и воспоминаниях. Дом – это также то, что нужно построить и обустроить где-то в космосе: в экстремальной среде, угрожающей самому существованию человека.

Антропологи Фархан Саманани и Йоханес Ланхард в обзоре, посвященном дому (*house*) и ощущению дома (*home*), придают дому темпоральное и утопическое измерение⁹. Дом располагается на пересечении материального и воображаемого. Он всегда не завершен, он находится в становлении-ремонте. Наше восприятие дома также трансформируется. Выбор готового дома или его строительство связаны с прошлым и ностальгией по этому прошлому: «Воспоминания и тоска по прошлому дому часто связаны с воображением»¹⁰. Но дом – это и проект, он открыт, будучи «непосредственно связан с тоской и желанием лучшего будущего»¹¹.

Саманани и Ланхард заключают, что «вполне возможно, что никто не живет без дома и что дом играет неизбежную роль в определении того, кто мы есть»¹². Если люди собираются жить в космосе, им нужно будет построить новые дома и выстроить новые отношения с прежним домом, научиться, как говорят, жить на два дома – на родной планете и в космосе.

В трех киношедеврах научной фантастики – «Космической одиссее 2001» (1968) Стэнли Кубрика, «Солярисе» (1972) Андрея Тарковского и «Интерстелларе» (2014) Кристофера Нолана –

8 Циолковский К. *Будущее Земли и человечества*. Калуга, 1928.

9 SAMANANI F., LENHARD J. *House and Home* // STEIN F. (Ed.). *The Open Encyclopedia of Anthropology*. 2019 (www.anthroencyclopedia.com/entry/house-and-home).

10 Ibid.

11 Ibid.

12 Ibid.

повествование выстраивается вокруг образа дома. В финале «Космической одиссеи» герой – астронавт Дэйв Боумен, выживший в схватке с бортовым компьютером HAL 9000, – оказывается в странном месте, за двадцать тысяч световых лет от Земли. Боумен попадает в дом, воспроизведенный инопланетной цивилизацией. Это скорее представление о доме «с той стороны» – о том, как могло бы выглядеть земное жилище, увиденное внеземными глазами. В «Интерстелларе» повествование закольцовывается: оставивший свой дом и семью ради того, чтобы найти в космосе новое место для погибающего человечества, астронавт Джозеф Купер прямо из черной дыры пытается связаться с повзрослевшей дочерью и передать ей данные, необходимые для эвакуации людей с Земли. Поэтический месседж «Интерстеллара» состоит, по всей видимости, в том, что утраченный дом невозможно обрести вновь, но любовь преодолевает эту невозможность. В «Солярисе» повествование начинается с дома, в котором вырос герой и который сильно контрастирует как со станцией на орбите планеты-океана Солярис, так и с дорогой в космос от родного дома через эстакады мегаполиса. В финале герой «возвращается» в родной дом, однако земное жилище, как и в «Космической одиссее», оказывается фейком на острове, построенным мыслящим океаном.

АНТРОПОЛОГИЯ КОСМИЧЕСКОГО ДОМА

Возможно, все эти три кинематографические истории сигнализируют нам, что мы слишком мало думаем о проблеме космического дома. Архитекторы, дизайнеры и социальные ученые обсуждают в основном устройство космических жилищ и разрабатывают целые архитектурные утопии, воображая жизнь на орбите или других планетах¹³. Как правило, речь идет об интерьерах, устройстве поселений и жилых пространств, но в них редко говорится о доме как *home*.

Я предлагаю обратить внимание на работы, в которых космический дом/*home* все же фигурирует. Две из них посвящены дебатам дизайнеров и инженеров о том, каким должно быть космическое жилище. Антрополог Валери Олсон исследовала понятия «система» и «окружающая среда» (*environment*) применительно к американским программам изучения и освоения космоса¹⁴. В одной из глав она рассказывает, как архитекторы,

13 ANKER P. *The Ecological Colonization of Space* // *Environmental History*. 2005. Vol. 10. № 2. P. 239–268; KALLIPOLITI L. *Closed Worlds: The Rise and Fall of Dirty Physiology* // *Architectural Theory Review*. 2015. Vol. 20. № 1. P. 67–90; SCHARMEN F. *Space Settlements*. New York: Columbia University Press, 2019.

14 OLSON V. *Into the Extreme: U.S. Environmental Systems and Politics beyond Earth*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2018.

дизайнеры, ученые и инженеры пытаются «превратить космическое пространство [outer space] в улучшенное повседневное пространство [everyday space] и, в конечном счете, в дом»¹⁵. Олсон использует понятие «трансхабитация» (*transhabitation*), означающее практику переноса земных форм существования в экстремальную среду космоса и затрудненного тем, что человека, живущего в космическом доме, необходимо защищать от смертельного воздействия окружающей среды. Перед специалистами стояла практическая задача: как превратить цилиндрические контейнеры в нечто похожее на дом. Так, например, в первую американскую космическую станцию «Skylab» по настоянию дизайнеров добавили окна, туалет и попытались обеспечить астронавтам минимум личного пространства¹⁶. В спорах, каким должен быть космический дом, друг другу противостоят «дизайн, ориентированный на человека», и «аэронавтическая антидомашность НАСА» (*NASA's aeronautical anti-homeyness*)¹⁷, обусловленная прежде всего функциональными требованиями выживания астронавтов. Один дизайнер сказал Олсон: «Каждый астронавт на МКС имеет дело с плохим дизайном в течение всего дня»¹⁸. Олсон признает, что просто перенести земные дома в космос чрезвычайно сложно. Скорее речь должна идти о «скалярности» – соединении земных и космических мест:

«Специалисты ежедневно делают вещи и процессы сопредельными по масштабу, соединяя домашние пространства с планетарными, человеческое сознание с космическими системами, присутствие людей на планетах с эволюцией человека»¹⁹.

Антропологи Дэвид Дживендрампиллаи и Аарон Паркхерст оказались в похожей с Олсон полевой ситуации. Они проводили исследование в составе команды дизайнеров, ученых и инженеров, занимающихся проектированием марсианского дома²⁰. Собственно, антропологов тоже позвали как экспертов по космическим поселениям, и они обнаружили, что в команде налицо конфликт дизайнеров и ученых (инженеров). Первые хотят делать красивые ретрофутуристические проекты, где через огромные окна марсианского дома видна панорама красной планеты. Характеризуя доступные фотографии реальных интерьеров МКС, дизайнеры называют станцию «жалким пространством, которое должно создавать жалких людей»²¹. Вторые, с функцио-

15 Ibid. P. 155.

16 Ibid. P. 152–153.

17 Ibid. P. 106.

18 Ibid. P. 162.

19 Ibid. P. 31.

20 JEEVENDRAMPILLAI D., PARKHURST A. *Making a Martian Home: Finding Humans on Mars through Utopian Architecture* // Home Cultures. 2021. Vol. 18. № 1. P. 25–46.

21 Ibid. P. 38.

нальной точки зрения, предлагают разместить марсианский дом глубоко в грунте и покрыть риголитом для защиты от радиации, пылевых бурь и других экстремальных факторов. После одной из презентаций архитекторов, где демонстрировались великолепные изображения, несгибаемые эксперты многозначительно помолчали, а одна из них – Бет, специалист по космической плазме – «нарушила уважительную тишину: “Все эти [изображения] выглядят великолепно, но вы все умрете”»²².

Возможно, мы слишком мало думаем о проблеме космического дома. Архитекторы, дизайнеры и социальные ученые обсуждают в основном устройство космических жилищ и разрабатывают целые архитектурные утопии, но в них редко говорится о доме как *home*.

Антропологи видели свой экспертный вклад в том, чтобы при строительстве марсианского дома была учтена феноменология тела, чтобы он был соразмерен требованиям (не только биологическим, но и культурным) человеческого тела. Дживендрампиллаи и Паркхерст критикуют утопическое требование, согласно которому освоение космоса осуществляется ради «всего человечества», а не ради конкретных людей, которым будет приятно (и безопасно) жить в космических домах.

С необычного ракурса на проблему дома предлагает взглянуть антрополог Сюзан Лепселтер, которая занималась исследованием жителей США, считавших себя похищенными инопланетянами. Некоторые из них объединялись в группы поддержки, создавали сообщества, совместно переживая этот странный опыт²³. Один из текстов Лепселтер посвящен тому, какие чувства испытывали похищаемые по отношению к оставленному на Земле (или, что еще хуже, захваченному пришельцами) дому. Она говорит, что «в течение многих лет слушала разговоры о тоске и потере родного дома, вплетенные в истории о Земле и внеземном»²⁴.

В любом случае – дом для переживших контакт с внеземными существами становился источником амбивалентных чувств. Он был и предметом ностальгии, и местом проявления странного

22 Ibid. P. 38–39.

23 LEPSELTHER S. *The Resonance of Unseen Things: Poetics, Power, Captivity, and UFOs in the American Uncanny*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2016.

24 ИДЕМ. *From the Earth Native's Point of View: The Earth, the Extraterrestrial, and the Natural Ground of Home // Public Culture*. 1997. № 9. P. 199.

(*uncanny*)²⁵. Планета Земля «вызывает одновременно тоску и презрение»²⁶. Лепселтер подчеркивала, что ностальгия у похищенных распространяется и на родной дом, и на всю планету, захваченную пришельцами. Для нашего повествования важно, что контакт с инопланетной цивилизацией заставляет переживших его постоянно переопределять само понятие дома: это и конкретное здание, где они родились/выросли/жили, и родной город, и целая планета. При этом, находясь на Земле, они испытывают двойственное отношение к дому – близость и дистанцию, тоску и презрение.

ДЕНИС СИВКОВ
ДОМАШНИЙ КОСМОС
ЛЮБИТЕЛЕЙ

ДИСТАНЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВА, СТАНОВЛЕНИЕ И МАСШТАБИРОВАНИЕ

Опыт проживания в космическом доме хорошо представлен в изложении самих космонавтов. Некоторые из них во время долгого пребывания на орбите вели личные дневники. Такие документы антрополог Деборра Баттаглия предлагает читать как своего рода этнографический документ, содержащий в себе насыщенное описание и рефлексию орбитальной повседневности²⁷. В тексте дневника советского космонавта Валентина Лебедева довольно много места уделено описанию ощущений дома и домашности в космосе. Например, станция «Салют-7», на которой Лебедев во второй свой полет прожил вместе с коллегой Анатолием Березовым 211 суток, воображается и обустроивается как родной дом. При этом станция – это дом незавершенный, космонавты постоянно адаптируются к этому месту, станция-дом обживается и находится в становлении, *under construction*:

«Питание стали готовить так: кто свободен, тот и делает. В общем, жизнь, как на любом новом месте, идет через привыкание, обживание дома, самую разную подгонку и перестройку. Скафандры уложили за панель станции, стало просторнее»²⁸.

При этом такое привыкание сопряжено с рядом сложностей, прежде всего с необходимостью адаптироваться к наличию множества пространственных перспектив. Поскольку притяжение на станции отсутствует, нарушается привычная символическая разметка на «верх» и «низ». По словам Лебедева, для того, чтобы привыкнуть к мультиперспективизму, «надо провести коррекцию своего восприятия, сказав себе: “стена – это

25 Или даже жутко-странного.

26 Ibid. P. 203.

27 BATTAGLIA D. *Coming in at an Unusual Angle: Exo-Surprise and the Fieldworking Cosmonaut* // *Anthropological Quarterly*. 2012. Vol. 85. № 4. P. 1089–1106.

28 ЛЕБЕДЕВ В. *Мое измерение: дневник космонавта*. М.: Наука, 1994. С. 48.

пол, а все, что над ней – потолок”, нужно лишь посмотреть вперед, в перспективу, и признать эту картину интерьера за новую. Теперь все в порядке: ты переориентирован и не чувствуешь никаких неудобств от того, что ходишь по стене или потолку»²⁹. В самом конце полета у космонавта возникло ощущение станции как родного дома:

«Посмотрел сейчас вдоль станции и по-новому ее увидел. Это уже дом родной. Все знакомо. Все свое. Близкое. Уже нет отторжения при взгляде на вещи, на интерьер станции, что это временное или чужое, кем-то сделанное, построенное. Ко всему уже приложил руки. Знаешь все укромные места, где какой прибор стоит, не по документации, а по памяти. И много мелких вещей, казалось бы, неброских – фотографии на панелях, рисунки детей, цветы, зелень на огороде, – превратили это техническое сооружение в наш теплый, уютный, необычный, но родной дом»³⁰.

В то же время дом космонавта находится на Земле. Космонавты тоскуют по родине, но в космосе это чувство переживается специфически: домом они считают не только и не столько место, где выросли (хотя и его тоже), но всю планету. Так называемый «эффект обзора» (*overview effect*) у космонавтов – возвышенное и аффективное, почти религиозное ощущение при взгляде на Землю и осознание целостности планеты и единства человечества³¹. В этом режиме восприятия вся планета воспринимается как дом. Как писал Лебедев, «в полете часто ловил себя на мысли, что для меня нет разницы, где летим, над своей территорией или чужой... Из космоса нет чужой Земли, она одна, и воспринимаешь всю ее как дом»³². Вообще говоря, космонавты и астронавты многое сделали для понимания родной планеты как дома³³.

Находясь на станции, космонавт Лебедев рефлексирует этот перспективизм обживания, зависящий от дистанции и масштабирования. Перед возвращением домой Лебедев записал в дневнике: «Скоро домой – как нас там встретят? На работе домой – это квартира, поехал за границу – страна, а в космосе наш дом – Земля»³⁴. При этом, находясь на орбите, испытывая ностальгию, космонавты пытаются разглядеть родные места. Юрий Усачев в своем дневнике записал следующее:

29 Там же. С. 73.

30 Там же. С. 241.

31 WHITE F. *The Overview Effect: Space Exploration and Human Evolution*. Reston: American Institute of Aeronautics and Astronautics, 2014; BJØRNVIK T. *Outer Space Religion and the Overview Effect: A Critical Inquiry into a Classic of the Pro-Space Movement* // *Astropolitics: The International Journal of Space Politics & Policy*. 2013. Vol. 11. № 1–2. P. 4–24.

32 ЛЕБЕДЕВ В. *Указ. соч.* С. 263.

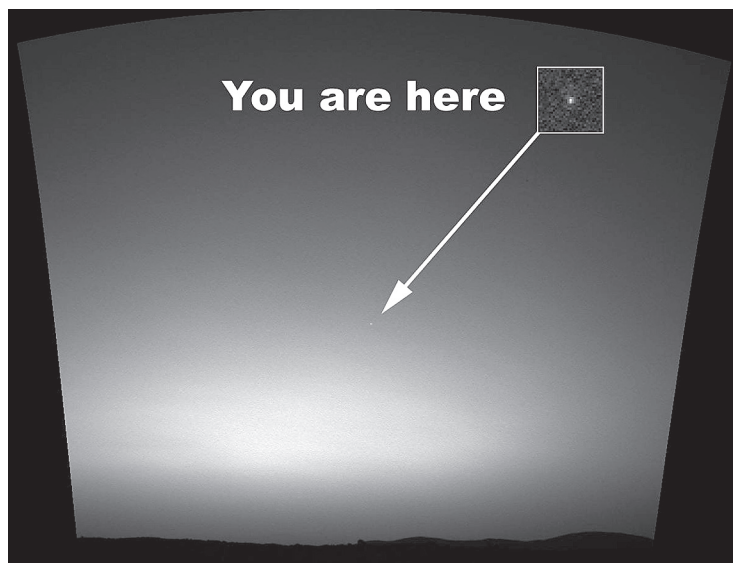
33 См., например: *Наш дом – земля* / Ред. К. Келли. М.: Мир, 1988.

34 ЛЕБЕДЕВ В. *Указ. соч.* С. 367.

«Вчера видел пирамиды в Египте, близ Каира, очень красиво. Теперь надо постараться увидеть сфинкса. Уже легко нахожу Донецк (по реке Северный Донец от Каменска). Очень хорошо видны корпуса экскаваторного завода, паром на Донце, Теплица на Центральной даже приветливо послала солнечный зайчик. Видно поле, что по пути на шахту Северо-Изварзинская, новый микрорайон, где живет Геннадий. Самое удивительное, что одновременно можно видеть Ростов, Воронеж и Москву. Все детали видны, конечно, только в бинокль, но все равно это поразительно»³⁵.

ДЕНИС СИВКОВ
ДОМАШНИЙ КОСМОС
ЛЮБИТЕЛЕЙ

От дистанции, перспективы и от самих объектов зависит их масштабирование. Космонавты воспринимают в качестве дома не только всю планету, но также станцию и родной земной дом – квартиру, коттедж, поселок или город. В зависимости от того, какую позицию занимает наблюдатель по отношению к дому-объекту, по-разному будет аффективно окрашено его восприятие дома. Антрополог Дэвид Валентайн в статье «Дом» из не опубликованного пока «Космического глоссария» говорит, что взгляд из космоса на планету Земля меняется драматически в зависимости от позиции. Знаменитые фотографии Земли из космоса «Earthrise» и «Blue Marble», сделанные во время полета на Луну, «вызывают у живущих на Земле зрителей благоговение перед органической целостностью Земли и знакомым домашним уютом»³⁶. В то же время изображение «You Are Here», сделанное марсоходом «Spirit», и фото «Pale Blue Dot», сделанное аппаратом «Voyager», «вызывают тревогу по поводу космической незначительности Земли, всего лишь

Илл. 1. «Вы здесь». Земля, увиденная с Марса. Снимок сделан марсоходом «Spirit». NASA/JPL-Caltech/Cornell/Texas A&M.

35 УСАЧЕВ Ю. *Дневник космонавта: три жизни в космосе*. М.: Гелиос, 2004. С. 191–192.

36 VALENTINE D. *Home* (unpublished).

еще одной звезды в чужом небе, не сохранившей следов домашнего очага»³⁷. Процесс масштабирования меняет границы дома при взгляде из космоса, то сужая его до станции, то расширяя его до планеты. При этом сама планета, меняясь в размерах, изменяет и ощущение домашности.

ДОМ ИЗ КОСМОСА

Пора вернуться к идее мирового гаража и понять, чем является для любителей дом в контексте освоения и изучения космоса. Любители – это люди, которые, как правило, не имея профессиональных навыков, в свободное время без вознаграждения проектируют и конструируют спутники, скафандры, ракеты, наблюдают звездное небо – в общем, делают что-то, связанное с изучением и освоением космоса.

«Домашний космос» любителей можно понимать и в том смысле, что именно домашняя сфера становится местом, откуда начинается путь в космос. Любители покупают компоненты для сборки в соседнем магазине хозяйственных товаров, свои кухни и гаражи используют как лаборатории и сборочные цеха, а задний двор или огород – как стартовые площадки³⁸. Какое еще место дом занимает в техноутопии любителей в контексте планетарности Земли?

В Рузаевке, маленьком городе в сорока минутах езды от Саранска – столицы Республики Мордовия, – мы с фотографом Сергеем Карповым лезем на крышу местного колледжа вместе с радиолюбителем Дмитрием Пашковым. Дмитрий работает в этом колледже системным администратором. Вчера было морозно, но уже по-весеннему солнечно. Сегодня пасмурно, и на обледенелой крыше дует холодный ветер. Дмитрий обещал показать, как можно поймать изображение европейской части России с американского метеоспутника. Этот аппарат – часть группы спутников, запущенных еще в 1970–1980-е. Теперь они летают вокруг Земли, фотографируют ее и посылают сигналы. Можно поймать такой сигнал и получить на память снимок с орбиты. Для этого нужны самодельная антенна, сделанная из лыжной палки, приемник, купленный на *AliExpress*, и ноутбук. У нас это есть, и сегодня мы рассчитываем поймать космический снимок.

В лед на крыше колледжа вмерзла парта. Ставим ноутбук на нее. Дмитрий пытается выдрать другую антенну из льда на крыше: «О, а я думал, мы ее забрали летом!», – удивляется

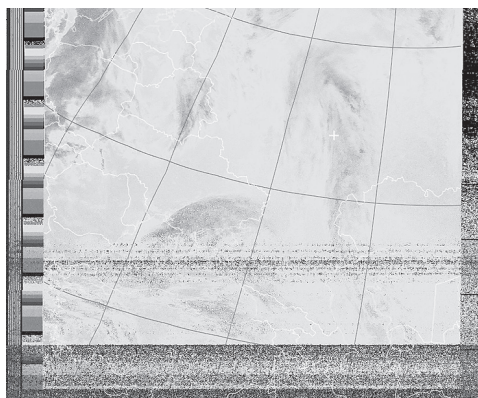
³⁷ Ibid.

³⁸ Сивков Д.Ю. *Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России* // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 67–79.

он. Любитель рассчитал время пролета спутника, и у нас есть 10–15 минут, чтобы принять изображение. Темнеет, мы тянем на крышу удлинитель, устанавливаем оборудование.

Спутник пролетает, мы ловим сигнал, но ничего не получается. Слишком много помех от сотовой связи, сетевых фильтров и других источников излучения. Изображение пересекают черные полосы. «Хорошо вообще в чистом поле принимать», – говорит Дмитрий. Но в небольшом населенном пункте типа Рузаевки у любителей больше шансов, чем в большом городе: помех здесь значительно меньше.

ДЕНИС СИВКОВ
ДОМАШНИЙ КОСМОС
ЛЮБИТЕЛЕЙ

Илл. 2, 3. Дмитрий Пашков и любительский снимок из космоса.

Спутник улетает, сигнал не пойман, и мы решаем попробовать уже с другой антенной связаться еще с одним похожим спутником. Как раз с помощью той антенны, которая с лета валялась на крыше. Она выше и мощнее. Ветер усиливается. Надо соединить несколько проводов. Я бегу вниз в лабораторию за паяльником. Холодно так, что паяльник не нагревается. Мы с Сергеем предлагаем бросить все и спустится вниз, в тепло: «Ну, не получилось – так не получилось». Дмитрий, который всю работу на морозе делает голыми руками без перчаток, говорит: «Начали делать – надо доделать! На скрутку пойдём! Нельзя, но пойдём».

Дмитрий руками соединяет антенну с приемником, летит спутник – и в итоге мы получаем приемлемое изображение на ноутбук. На снимке – европейская часть России и где-то

там мы. Замерзшие, спускаемся по лестнице вниз. Любитель рассказывает, что прошлым летом со студентами колледжа хотели лазером-указкой вверх осветить, чтобы на снимке со спутника было видно точку в Рузаевке, но пока не получилось. Не видно следа от указки на снимке из космоса. Я удивленно подумал: «Вот так обычный человек в маленьком городе, делая космическое селфи, может чувствовать себя гражданином всего мира или даже гражданином вселенной».

Любительская практика масштабирования отличается от зумирования на космической станции. Достаточно заметным является *контраст* между местами разных масштабов – локальным масштабом маленького города и крышей колледжа, с одной стороны, и глобальным масштабом взгляда из космоса, с другой³⁹. Чуть позже у нас с Дмитрием состоялся такой разговор:

Карпов: А скажи мне – глупый у меня такой вопрос, – вот ты сидишь, все это [сигналы от спутников] слушаешь... Ты находишься в таком глобальном пространстве. Ты же ощущаешь себя в таком – глобальном?

Пашков: Ну, есть такое ощущение, да.

Карпов: Как ты потом возвращаешься вот в это: починить винду, пойти перезагрузить компьютер? Тебя не угнетает вот это все?

Сивков: Дочку отвести в сад...

Пашков: Наоборот, я не могу сидеть на одном месте, постоянно слушать там или дома [что-то делать]... Я сидеть на одном месте просто не могу!

Карпов: То есть ты из этой глобальности легко в быт свой врываешься?

Пашков: Да. Вот сейчас приехал, допустим... Вот я сейчас послушал, пошел там – чёт сделал, вернулся. То есть монотонное не могу. Не знаю, почему так. Некоторым нравится. Пришел с работы – лег на диван и читать газету. Я просто так лечь [не могу]...

Для Дмитрия важно несоответствие между огромным космосом и своими маленькими повседневными домашними заботами. Эта нестыковка делает дом-место более заметным и ценным на фоне планеты и безграничного космического пространства. Космическое селфи – хороший способ привлечь внимание к точке на карте. Пашков и другие любители, как кажется, и не расширяют дом до размеров планеты, и не переносят его на орбиту, и не «растворяют» его в бесконечных космических просторах. Переключаясь с одного масштаба на другой, они живут космической жизнью, не покидая своего маленького земного жилища – со всем его беспорядком и любимыми вещами.

39 Он же. *Места и масштабы: онтологии освоения космоса* // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 75–96.

Историк науки Кристен Харинг в книге про радиолюбителей показывает, что для энтузиастов большую роль играла их рубка (*shack*) – своего рода дом в доме, или «пространство для хобби», как она называет это место⁴⁰. Здесь они размещали оборудование для приема и передачи, верстак для ремонта, паяльники, комплектующие, на стены вешали лицензии и дипломы, открытки с позывными, присланные другими радиолюбителями. Одновременно рубка была для радиолюбителей и убежищем:

«Радиолюбители решали проблему размещения радиооборудования в своих интересах и воспользовались возможностью проводить свободное время в уединении в отдельной комнате... подвале или гараже. В этих личных убежищах увлеченные могли избежать работы и семейных обязанностей и говорили с мужчинами по всему миру»⁴¹.

Харинг полагает, что, будучи буфером, временно изолирующим радиолюбителя от семьи и связанных с ней забот, рубка была и своего рода технологическим порталом: попадая сюда, технологии «одомашнивались». Этот локальный мир прирученных, одомашненных технологий противостоял отчуждающей силе глобальной технологизации. Рубка позволяла заниматься любимым техническим делом «по-домашнему».

Закуток в доме и сам дом не только разделяют, но и соединяют увлеченных с любым другим закутком в оборудованном доме в любых других местах планеты. Харинг, описывая рубку, делает важное замечание: «Затем щелчок выключателя и вращение диска приводят к тому, что в хижину врываются многочисленные голоса радиолюбителей»⁴². Это и буквальное, и метафорическое переключение, о котором я говорил выше: из рубки или закутка радиолюбитель переносится в любую точку мира, где есть его коллеги. Дом соединяется с другими домами на планете.

Дмитрий Пашков несколько раз рассказывал о таких же любителях из других стран, с которыми он регулярно общается на форумах и в социальных сетях. Я спрашивал его, кем для него являются коллеги, и один раз получил такой ответ: «Кто они для меня – интересный вопрос, как ответить, даже не знаю... братья по интересу, можно так ответить. Мы общаемся только на сугубо технические темы, делимся информацией, помогаем в подтверждении данных».

Радиолюбительское сообщество, связывающееся друг с другом через спутники и в интернете, воплощает техноутопию

40 HARING K. *Ham's Radio Technical Culture*. Cambridge; London: MIT Press, 2007. P. X.

41 Ibid. P. 137.

42 Ibid. P. X.

мирового гаража. Но это не один большой гараж или дом, а планета, в которой дома, гаражи, подвалы, кухни и задние дворы не исчезают, не растворяются в планетарности, а сохраняются и связываются друг с другом. Проще говоря, мировой гараж – это мир, состоящий из гаражей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед тем, как поймать изображения со спутника на обледенелой крыше, Дмитрий Пашков показывал нам, как он связывается с другими радиолюбителями через спутник-ретранслятор. Желающих поговорить было много, а времени на сеанс – всего 10–15 минут. Энтузиасты только успевали назвать свое имя, локацию и позывные. Меня удивил этот короткий гул любительских голосов. Ведь можно было бы связаться друг с другом по интернету (написать письмо, подписаться, оставить комментарий или поставить лайк), сидя в теплой рубке. Нет, вместо этого, любители используют странные космические цепи коммуникации, состоящие из старых спутников. Почему? Видимо, потому что, в отличие от интернета, эти цепи принадлежат только им – и никому больше. В космосе любители свободны от земного интернета и других привычных способов связи, поддерживающих глобальный мир. Связываясь через спутники и форумы, любители поддерживают свою утопическую планетарность.

Дэвид Валентайн в статье про дом в «Космическом глоссарии» пишет:

«Чтобы занять деколонизирующую позицию в отношении будущих человеческих домов в космосе, изобилующем удивительно разнообразными, чуждыми местами, необходимо начать не с критики доминирующих историй о покинутой Земле, а с отказа от историй о Земле как доме»⁴³.

Любители же не хотят отказываться от своих домов и гаражей. Также они, кажется, понимают, что пока не могут покинуть Землю. Многие техноутопии космического века подпитывались возможностью навсегда покинуть планету и начать новый мир «с чистого листа»⁴⁴. В этом смысле любители не отказываются от земного дома, а наоборот, пытаются сохранить его, заземляются и привлекают внимание к ценности локального места на фоне колоссального космического.

43 VALENTINE D. *Op. cit.*

44 KILGORE D.W.D. *Astrofuturism: Science, Race and Visions of Utopia in Space*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003; LAUNIUS R. *Perfect Worlds, Perfect Societies: The Persistent Goal of Utopia in Human Spaceflight* // *Journal of the British Interplanetary Society*. 2003. № 56. P. 338–349; TUTTON R. *Sociotechnical Imaginaries and Techno-optimism: Examining Outer Space Utopias of Silicon Valley* // *Science as Culture*. 2021. Vol. 30. № 3. P. 416–439.